

Светлана Стивенсон, Александра Ченцова

«Извините, что я вас так расстроила»

Светлана Стивенсон, профессор социологии Школы социальных наук и профессий университета London Metropolitan University, Лондон, Великобритания.

ORCID: 0000-0001-5249-8160

Электронная почта: s.stephenson@londonmet.ac.uk

Александра Александровна Ченцова, младший научный сотрудник Центра «ИНСАП» РАНХиГС, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-3890-9274

Электронная почта: alexchentsova@mail.ru.

Аннотация

Профессор социологии Лондонского метрополитенского университета Светлана Стивенсон рассказывает о становлении своего исследовательского интереса к проблеме бездомности в России, об особенностях методологии полевых работ с маргинализированными группами, а также о социальных и этических вызовах, с которыми сталкивается исследователь в подобных проектах. Интервью охватывает историю создания ее книги *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia* (2006), обсуждение причин игнорирования темы бездомности в современной российской академической и публичной среде, а также трансформацию ее научных интересов — от изучения взрослых бездомных к анализу молодежных девиантных группировок и, в последнее время, к вопросам публичного клеймения в позднесоветском и постсоветском обществе. Особое внимание уделяется рефлексии исследовательской практики, этическим дилеммам и эмоциональному багажу, сопровождающему работу с травматичными социальными реалиями.

113

Ключевые слова: бездомность, маргинализация, социальное отчуждение, качественные методы, биографическое интервью, исследовательская этика, публичное клеймение, Светлана Стивенсон, социальная идентичность, постсоветская Россия.

Для цитирования: Стивенсон, С., Ченцова, А.А. «Извините, что я вас так расстроила» // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 1. С. 113–127.

Интервью со Светланой Стивенсон, автором книги *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia* [Stephenson, 2006], профессором социологии Школы социальных наук университета London Metropolitan University, председателем Совета по исследовательской этике Школы социальных наук, организатором Междисциплинарного исследовательского форума университета. Интервью проведено в феврале 2024 года, интервьюер Александра Ченцова.

На своём сайте¹ вы пишете, что уже в течение двадцати лет изучаете людей, которые находятся в тени российского общества. Как сформировался ваш исследовательский интерес?

Он сформировался, когда я работала во ВЦИОМ. В конце 1980-х — начале 1990-х мы проводили самые разные исследования. Многие из них были традиционными опросами общественного мнения, но мы занимались и качественными исследованиями. Одним из них был проект по сравнительно-му исследованию бездомности в Москве и Софии. Поскольку я лично стала опрашивать людей и сильно, как ментально, так и эмоционально вовлеклась в эту тему, после того как закончилось это исследование, я решила продолжать его уже для себя и в конце я написала кандидатскую диссертацию на эту тему.

Помимо этого, конец 1980-х — начало 1990-х — это время, когда неожиданно обнажились социальные проблемы, которые до этого скрывались, в том числе проблема бездомности. Все улицы были полны бездомными взрослыми и детьми, и никаких исследований бездомности с 1930-х годов не существовало. И вот эта неожиданно обнаружившаяся социальная реальность для социолога была, конечно, очень интересна. Хотелось понять, что привело этих людей на улицы, как они выживают, как они вписаны в окружающее общество. И кроме того, необходимо было понять, что можно делать с этой проблемой.

Сначала я исследовала взрослых бездомных, потом я стала заниматься проектами, связанными с уличными детьми.

¹ Персональный сайт Светланы Стивенсон: <https://svetlanastephenson.com/>. (дата обращения 16.02.2024)

ми, и уже дальше от этой темы перешла к исследованию молодежных преступных группировок.

Как бы Вы объяснили, что в российской академии до сих пор проблеме бездомности практически не уделяется внимание и публикаций на эту тему крайне мало?

Мне кажется, что это связано с отсутствием интереса со стороны государства к этой тематике, поскольку подобного рода проблемы опять, как в советское время, запихиваются под ковер. Кроме того, играет роль отсутствие большого общественного интереса к бездомности, что довольно удивительно и говорит, на мой взгляд, о нечуткости общества и поглощенности людей собственным благополучием, собственными жизненными стратегиями, невнимании к обездоленным соотечественникам. Поразительно, что особого интереса к этому нет ни в науке, ни в культуре. В 1990-е выходили фильмы об этом, например, фильм Рязанова «Небеса обетованные». А затем, мне кажется, на фоне общего порыва к индивидуальному социальному и материальному успеху, все остальное осталось за гранью интереса.

Это странно. Понятно, почему нет интереса широкой общественности, почему в политической повестке практически не фигурирует эта тема, но, кажется, для социолога это же такой классный вызов, потому что тема до сих пор остается почти не изученной. Я удивляюсь, почему все-таки ей почти никто не занимается.

Социологи в целом тоже двигаются в фарватере государства. В 1990-е годы, когда я начала этим заниматься, был интерес со стороны государства, выделялись гранты на исследования и бездомности, и безработицы. Эта тема была в майнстриме, но сейчас — это очень интересно и очень грустно — государство решило снова увести подобные темы из круга внимания общественности. И ведь это не только отсутствие интереса к бездомности, но и к молодежной преступности. За исключением клеймения несуществующей А.У.Е. мы не видим особых исследований того, что происхо-

дит в действительности с молодежным девиантным поведением. Я как-то беседовала с казанскими учителями, и они мне сказали, что в школах достаточно давно началось возрождение группировочной жизни, и они стонут, потому что, собственно, то, что показано в «Слове пацана» [Гараев, 2020] воспроизводится, хоть и не в том масштабе, а никакого общественного обсуждения не происходит. Нет и большого интереса к этой проблеме и со стороны МВД в Татарстане, так что все это снова стало замалчиваться.

После того как была опубликована Ваша книга [Stephenson, 2006], какая реакция последовала со стороны коллег по академии? Обсуждалась ли она в публичном пространстве медиа? Ощутили ли Вы изменения в дискурсе о бездомных?

Нет, ничего подобного не происходило, и я бы не сказала, что книга на что-то повлияла.

Очень грустно, что проведено такое важное исследование, а как будто бы ничего действительно не изменилось. У нас был, например, семинар, который мой коллега организовывает с Ночлежкой², и пришел депутат, который не на семинаре, конечно, высказался, а уже в кулуарах, и поделился своей идеей выселить бездомных из Москвы, то есть ровно те же мысли, которые были и до этого.

Сейчас, к сожалению, мне кажется, что в ответ на социальные проблемы будут применяться репрессивные меры, выселение, криминализация. Надо сказать, что это свойственно не только России. Подобного рода политика прослеживается и в Европе, и в Англии. С одной стороны, есть огромное количество общественных организаций и государственная поддержка бездомных, а с другой стороны, принимаются такие законы, как anti-social behaviour orders [постановления о пресечении антиобщественного поведения], когда человек просто не может находиться в определенном месте, например,

² Этот открытый семинар по исследованиям бездомности организует Шанинка в партнерстве с Ночлежкой. Подробнее о нем можно почитать на сайте Шанинки <https://msses.ru/science/issledovaniya-bezdomnosti/>

в центре Лондона, около вокзалов. Им просто говорят, что они должны из этого места уйти, их штрафуют, так что соблазн просто избавиться от проблемы с помощью репрессивных мер есть везде и у любых властей.

Расскажите, пожалуйста, как происходила работа над книгой, как вы планировали исследование?

Не могу сказать, что это исследование в теоретическом аспекте представляло для меня проблему. Моя задача сильно облегчалась тем, что на Западе существовала огромная литература по бездомности. В том, что касается изменений в идентичности людей, когда они находятся на улице достаточно долго, способов их взаимодействия с общественными организациями или с окружающими людьми, многое было очень похоже на ситуацию в других странах.

Но были и серьезные отличия. В советское время уголовное преследование за бродяжничество, попрошайничество, паразитический образ жизни привело к тому, что многие бездомные оказались вне системы какой-либо поддержки. В постсоветское время существование системы регистрации по месту жительства и то, что люди без регистрации не могли получать пособия, пенсии, официально работать, тоже было значительным фактором того, что бездомные не могли вернуться к нормальной жизни.

И кроме того, конечно, надо было объяснить невероятный рост бездомности в 1990-е годы. К нему привела масштабная трансформация российского общества и отсутствие развитой государственной системы поддержки, значительная, хотя и скрытая безработица, массовая миграция населения из сельской местности в города, из бывших союзных республик в Россию. Особенность этого момента заключалась в том, что в число бездомных попадали далеко не классические в нашем представлении типажи. Часто это были люди с высшим образованием, значительным культурным капиталом [Stephenson, 2006, р. 27, 115], с которыми можно было поговорить о Камю, Сартре. Я обращала внимание на то, как люди используют свой социально-культурный капитал для того, чтобы вырваться из бездомности или, по крайней мере,

выжить. В этом смысле мне кажется, что здесь есть некое отличие моего подхода от большинства западных исследований бездомности, которые описывали людей, оказавшихся на дне без каких-либо ресурсов для выживания за исключением системы социальной помощи со стороны государства и благотворительных организаций.

Одним из главных направлений моего исследования стало изучение взаимодействия между бездомными и окружающим обществом. Удалось показать, что бездомные — это не какие-то социальные атомы в пространстве города, а активные агенты, которые способны устанавливать широкие связи, в особенности с людьми бедными, но имеющими жилье (они их называли «домашняками»).

Какие методологические особенности работы с этим полем Вы могли бы выделить и с какими сложностями Вы сталкивались во время сбора эмпирики?

Мы проводили глубинные биографические интервью³, и сложность могла состоять в том, что люди не хотели рассказывать свою биографию, или у них был некий заготовленный текст, который они уже привыкли воспроизводить в общении с персоналом приёмников-распределителей, куда их периодически помещали, либо с представителями милиции. Тогда возникала задача как-то выйти за пределы этого стандартного нарратива. Очень помогли неоконченные предложения, и я очень советую людям, которые работают с такими труднодоступными группами, использовать эту технику, потому что она открывает дверь, на мой взгляд, в жизненный мир человека [Stephenson, 2006, р. 11]. Лучший из этих вопросов — «Ответьте пожалуйста, на вопрос: кто я?» Этот вопрос мы

³ Полуструктурированные глубинные интервью включают в себя множество стратегий интервьюирования, которые предполагают минимальное (в биографически-нarrативных интервью) структурирование интервью интервьюером, и более традиционные с частично подготовленными вопросами, которые полностью структурирует исследователь в контексте выбранной теоретической рамки. Подробнее прочитать о глубинных биографических интервью можно в [Wengraf, 2001; Gardner, 2001; Chamberlayne, 2000]

задавали обычно в конце интервью, когда человек уже что-то рассказал про себя и неизбежно приходил к моменту рефлексии о своей жизни. Этот вопрос подталкивал его к такой рефлексии и давал очень хороший результат.

Кроме того, мы использовали такие неоконченные предложения, как «Главная проблема моей жизни состоит в том, что...» или «Я расстраиваюсь, когда...» Поскольку это были неожиданные вопросы, они побуждали людей подумать о себе, о том, кто они, какие у них основные проблемы в жизни, об их взаимоотношениях с людьми. Эти вопросы мы тоже, как правило, задавали ближе к концу интервью.

Вы писали в книге, что одна из категорий людей, которые были не готовы разговаривать, — это бывшие заключенные [Stephenson, 2006, р. 10]. Получалось ли с ними через эти открытые вопросы устанавливать контакт?

Да, были люди, которые много лет провели в заключении. Если, скажем, ты проводишь включенное наблюдение, можно найти подход к ним, но, когда ты видишь человека в первый раз в жизни, конечно, ожидать от них, что они тебе раскроют душу, просто невозможно. А на эти вопросы откликались все.

А Вам когда-нибудь было страшно во время общения с какими-то информантами?

Мне было страшно начинать это исследование, потому что я совершенно не представляла, что меня ждет, но у меня не было таких ситуаций, чтобы действительно было страшно во время интервью. В основном опрос проводился в тех местах, в которые эти люди обращались за помощью, например, в организации «Врачи без границ». Как правило, они приходили в эти места трезвые и с положительными ожиданиями от общения, и это облегчало задачу.

В книге Вы еще упоминали, что иногда бездомные только в крайнем случае обращаются в государственные службы поддержки [Stephenson, 2006, р. 109], потому что сама атмосфера совершенно

не располагает к положительным ожиданиям. Вы проводили интервью в таких местах?

Нет, только в благотворительных организациях. Государственные организации у бездомных ассоциируются с репрессивным режимом, и именно поэтому там проводить интервью было бы невозможно.

Това Хёйдестранд [Højdestrand, 2005, р. 17–18], кажется, упоминает, что своему «проводнику» в мир бездомных и некоторым информантам она выдавала сигареты, лекарства, еду, предметы первой необходимости, иногда деньги, хотя каждый раз возникала этическая дилемма, поскольку она понимала, что что угодно можно обменять на алкоголь. Делали ли Вы что-то подобное? Сталкивались ли с необходимостью как-то поощрить информантов для того, чтобы они согласились на разговор?

Нет, никогда этого не делала: люди, как правило, соглашались, а если нет, то что тут сделаешь? Я только иногда давала пачки сигарет.

В начале нашего разговора Вы упомянули, что, помимо исследовательского интереса, Вы чувствовали и эмоциональную вовлеченность. Были ли моменты, когда вам сложно было сохранять академическую отстраненность? Вы рассказываете глубоко трагичные истории, и, наверное, в какие-то моменты Вас захлестывали эмоции. Как Вы с этим работали?

Действительно, это было очень сложное исследование. Я бы сказала, даже более сложное, чем последующие, когда я опрашивала уличных детей или несовершеннолетних преступников, потому что у молодежи есть, как правило, жизненный оптимизм: они верят в лучшее будущее. А для многих взрослых будущее представлялось очень трагичным. Когда я писала, я была в депрессии. Когда я закончила книгу, я от депрессии избавилась и поняла, что, наверное, писатели таким же образом могут обращаться к тяжелым темам, а затем вырваться из этого ужаса, оставив его на бумаге. Я не обращалась ни за какой помощью. В то время это особо не было принято. Сейчас я бы посоветова-

ла, конечно, исследователям серьёзно к этому отнестись, обращаться за помощью, разговаривать с коллегами, разговаривать со специалистами, потому что это очень, очень тяжелая тема.

Одна из главных заповедей интервьюера — не навредить своему информанту. Не боялись ли вы своими вопросами причинить дополнительную боль тем, кто глубоко ранен?

Да, эта тема действительно возникла. Как правило, мне казалось, что люди хотели поговорить, но случалось, что они просто начинали плакать. Я всегда прекращала интервью в этот момент. У меня есть чувство вины, и в какой-то степени я себя ощущала эксплуататором, поскольку я это делала для своей научной работы, а им фактически не давала ничего за исключением пачки сигарет, так что это абсолютно справедливое замечание.

Как вы реагировали на то, что люди начинали плакать? Что вы им говорили?

Я говорила: «Извините, что я вас так расстроила. Я пытаюсь понять эту проблему через рассказы людей и надеюсь, что это приведет к каким-то положительным изменениям». Это было все, что я могла сказать.

Вакан [Wasquant, 2007], продолжая линию Бурдье и в том числе работая в парадигме генетического структурализма, настаивал, что исследователь должен постоянно рефлексировать в отношении теоретических конструктов, которые он использует. Касается это и терминов, которые влияют на саму концептуализацию проблематики и могут воспроизводить стигму. Вы сами указывали, что слово «бомж» нагружено негативными коннотациями. Почему вы приняли решение оставить его не только в прямой речи ваших информантов, но и в академическом нарративе, хотя и выделяя его курсивом?

«Бомж» — это обозначение социально стигматизированной группы, и эти люди принимают эту стигму и о себе говорят как о бомжах. В этом смысле, на мой взгляд, обозна-

чение их не просто как бездомных, а как бомжей, раскрывает их социальную позицию в российском обществе, поэтому я использовала этот термин. Я согласна, что в публичном дискурсе это слово не должно употребляться, оно действительно стигматизирует и указывает на веру людей в то, что проблема состоит в самих бездомных, а не в условиях, в которых они живут. Что касается исследовательского контекста, я описы-ваю реальность, в которой уличные бездомные живут, язык, которые они сами употребляют, и использую это слово в тех случаях, когда пишу об их идентичности, а не о бездомности как социальной проблеме. Но в целом я считаю, что мы должны стараться поменьше использовать это слово.

То есть получается, здесь есть тонкая грань. Ваш выбор обусловлен тем, что люди себя так идентифицируют, то есть сами бездомные, но это не имеет отношения к медийной и политической повестке — у Вас была другая цель.

Когда вы проводили интервью, Вы спрашивали разрешение на запись? С одной стороны, есть научная этика, утвержденная процедура сбора информированного согласия, чтобы можно было в исследовании использовать данные интервью, а с другой стороны, этот вопрос некоторых бездомных может напугать, когда их прямо предупреждаешь.

У меня были ситуации, когда человек отказывался и не разрешал вести запись, но тем не менее мы все равно говорили, а затем я приходила домой и сразу же всё записывала. Но я всегда спрашивала разрешение.

После того, как Вы завершили исследование, Вы думали о продолжении, о направлениях, которые можно было бы развить в следующих работах?

Да, думала. Я, кстати, недавно опубликовала с коллегой статью о восприятии бездомными времени [McDonough & Stephenson, 2022]. Мы используем концепцию Бергсона о темпоральности [Bergson, 2007]: время — это не механическая категория. В опыте человека время может растягиваться, сжиматься, оно является эластичной лентой. Мы проанали-

зировали повторно интервью с бездомными с целью показать, как в зависимости от идентичности, срока бездомности у людей меняется восприятие времени.

Вы говорили, что в какой-то момент отошли от темы бездомности, то есть через нее Вы пришли в исследование молодежных группировок и других маргинализированных категорий. Почему бездомность перестала быть Вашим исследовательским интересом?

У меня был вопрос: как возникает эта проблема и как люди выживают, вписываются в социальную структуру городского общества. Я на него ответила. Я уверена, сейчас многое поменялось. Причины бездомности, которые были в позднесоветское время в начале 1990-х, сейчас, наверное, другие. Какие-то группы отошли на задний план, может быть, заключенные и мигранты, и сейчас бездомность больше связана с семейными проблемами. Тем не менее, на тот момент мой исследовательский интерес был удовлетворен. Я знаю, что есть люди, которые многие годы примерно одной и той же темой занимаются; я уважаю этих людей, потому что есть много плюсов в том, что человек является глубоким специалистом в одной теме, но я устроена как-то иначе, и мне хочется двигаться в других направлениях.

А что прямо сейчас представляет Ваш главный исследовательский интерес?

Я сейчас пишу книгу про публичное клеймение в позднем Советском Союзе и в современной России и подхожу к публичному клеймению с точки зрения культурной социологии и ритуалов, с помощью которых общество проводит грань между добром и злом. В более широком плане этой темой занимался раньше Хархордин [Хархордин, 2016], но он использовал рамку Фуко [Foucault, 2012], говорил про самокритику и критику, которая была в советское время, как о дисциплинировании души, дисциплинарном механизме и механизме коллективного надзора. Я же использую идеи Дюркгейма [Durkheim, 1915] и культурной социологии [Alexander, 2003], связанные со значением ритуала в моральном контроле.

Вы говорите о стигматизированных категориях в целом, или книга будет состоять из конкретных кейсов?

Что касается советского времени, я анализирую интервью участников так называемой «проработки». Это практика собраний в школах, учреждениях, университетах, на которых осуществлялось ритуализированное клеймение [Стивенсон, 2022]. В контексте современной России я пишу про клеймение публичных фигур и про то, как с помощью этого клеймения власть пытается создать моральное единство общества.

А Вы можете привести примеры? Про какие публичные фигуры Вы пишете? Я даже и подумать не могла, что у нас в этом разговоре тоже всплывает вечеринка Ильиной, но как будто напрашивается.

Я пока не дошла до этой темы, но планирую обсудить клеймение селебов. Может, и напишу про этот кейс.

Хотелось бы завершить интервью Вашим напутствием. Какие бы советы Вы могли дать исследователям, которые хотят заниматься проблематикой бездомности? Что самое важное необходимо для себя уяснить перед началом исследования?

Я считаю, что это совершенно уникальная тема для социолога, потому что так можно проследить, как формируется социальный порядок даже на дне общества, как среди людей, которые кажутся нам совершенно разобщенными, стигматизированными, возможны социальные связи и некое социальное регулирование. Из-за того, что эти люди предоставлены сами себе, они вынуждены становиться активными агентами, развивать различные социальные стратегии. Изучение этой группы помогает подойти к большому количеству важных социологических тем, например, социальной идентичности, социальному капиталу. Это хорошее поле для социологов, но эмоционально оно очень тяжелое, поскольку, конечно, этих людей очень жалко, если серьезно к этой проблеме относиться, а не просто раздавать анкеты. Исследователь вступает во взаимодействие с бездомными, и приходит понимание, что любой человек может оказаться на их месте, если с ним случится

два или три несчастья, и вот он уже на улице. И я советую как можно больше вкладывать сил в информирование общественности. У меня это не очень получилось, и я испытываю огромное сожаление, но беседа с вами дает мне надежду, что моя книга как-то косвенно способствует возникновению широкого обсуждения бездомности.

Литература

1. Гараев, Р. Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970—2010-х. Дополненное издание. М.: Изд-во Individuum, 2024.
2. Стивенсон, С. «В чем был смысл этого театра абсурда?» Собрания по проработке в позднем СССР // Versus. 2022. Т.2. №5. С. 15–40.
3. Хархордин, О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. Спб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016
4. Alexander, J. The meanings of social life. N. Y.: Oxford University Press, 2003.
5. Bergson, H. Creative mind: An introduction to metaphysics. New York: Dover Publications, 2007.
6. Chamberlayne, P. The turn to biographical methods in social science: Comparative issues and examples. New York: Routledge, 2000.
7. Durkheim, E. The Elementary forms of the religious life: A study in religious sociology. London: George Allen & Unwin, 1915.
8. Foucault, M. Discipline and punish: The birth of the prison. New York: Vintage, 2012.
9. Höjdestrand, T. Needed by nobody: Homelessness and humanness in post-socialist Russia. New York: Cornell University Press, 2005.
10. McDonough, B., Stephenson, S. A Bergsonian analysis of time in qualitative research: Understanding lived experiences of street homeless people in Moscow // Qualitative Research. 2022. Vol. 24. No. 2. P. 249–268.
11. Stephenson, S. Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. Wiltshire: Ashgate, 2006.
12. Wacquant, L. Urban outcasts: A comparative sociology of advanced marginality. London: Polity, 2007.
13. Wengraf, T. Qualitative research interviewing: Biographic narrative and semi-structured methods. London: Sage, 2001.

Svetlana Stephenson, Alexandra Chentsova

“I’m sorry I have upset you so much”

Svetlana Stephenson, Professor of Sociology, School of Social Sciences, London Metropolitan University, London, UK.

ORCID: 0000-0001-5249-8160

Email: s.stephenson@londonmet.ac.uk

Alexandra A. Chentsova, junior research fellow, Center “Institute for Social Analysis and Forecasting”, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-3890-9274

E-mail: alexchentsova@mail.ru.

Abstract

In this interview, Professor Svetlana Stephenson—author of the book *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia* (2006), Professor of Sociology at the School of Social Sciences, London Metropolitan University, Chair of the School’s Research Ethics Committee, and organizer of the University’s Interdisciplinary Research Forum—discusses the origins of her research interest in marginalized groups in Russian society. Conducted in February 2024 by Alexandra Chentsova, the interview explores Stephenson’s methodological approaches to fieldwork with vulnerable populations, the social and ethical challenges of such research, and the historical context of homelessness in post-Soviet Russia. She reflects on the lack of academic and public attention to homelessness in contemporary Russia, the emotional toll of researching traumatic social realities, and her subsequent scholarly shift toward studying youth deviance and, more recently, public shaming in late Soviet and post-Soviet contexts. The conversation also addresses the limited impact of her seminal work on public discourse and policy, as well as the enduring relevance—and neglect—of homelessness as a sociological issue.

Keywords: homelessness, marginalization, social exclusion, qualitative methods, biographical interviewing, research ethics, public shaming, Svetlana Stephenson, social identity, Post-Soviet Russia.

For citation: Stevenson, S., Chentsova, A.A. (2026). «Proshu proshcheniya, chto ya vas tak rastroila» [“I’m sorry I upset you so much”]. *Sotsiologiya zabyoty* [Russian Sociology of Care]. Vol. 1. No. 1. P. 113–127. (In Russ.)

References

1. Alexander, J. (2003). *The meanings of social life*. New York: Oxford University Press.
2. Bergson, H. (2007). *Creative mind: An introduction to metaphysics*. New York: Dover Publications.
3. Chamberlayne, P. (2000). *The turn to biographical methods in social science: Comparative Issues and Examples*. New York: Routledge.
4. Durkheim, E. (1915). *The Elementary forms of the religious life: A study in religious sociology*. London: George Allen & Unwin.
5. Foucault, M. (2012). *Discipline and punish: The birth of the prison*. New York: Vintage Books.
6. Garayev, R. (2024). *Slovo patsana: Kriminal’nyy Tatarstan 1970–2010-kh* [The Word of a “Patsan”: Criminal Tatarstan, 1970^s–2010^s]. Expanded ed. Moscow: Individuum. (In Russ.)
7. Höjdestrand, T. (2005). *Needed by nobody: Homelessness and humanness in Post-Socialist Russia*. New York: Cornell University Press.
8. Kharkhordin, O. (2016). *Oblichat’ i litsemeryt’: Genealogiya rossiyskoy lichnosti* [To denounce and to be hypocritical: A genealogy of the Russian self]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)
9. McDonough, B., Stephenson, S. (2022). A Bergsonian analysis of time in qualitative research: Understanding lived experiences of street homeless people in Moscow. *Qualitative Research*. Vol. 24. No. 2. P. 249–268.
10. Stephenson, S. (2022). “V chem byl smysl etogo teatra absurd?” Sobraniya po proprabotke v pozdнем СССР [“What was the point of this theatre of the absurd?” Criticism Sessions in the Late USSR]. *Versus*. Vol. 2. No. 5. P. 15–40. (In Russ.)
11. Stephenson, S. (2006). *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia*. Wiltshire: Ashgate.
12. Wacquant, L. (2007). *Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*. London: Polity Press.
13. Wengraf, T. (2001). *Qualitative Research Interviewing: Biographic Narrative and Semi-Structured Methods*. London: Sage Publications.